Дмитрий Карев, Сергей Дубовец
(Гродно)

Политика российского царизма и формирование образа исторического прошлого Белоруссии в российской историографии дореформенного периода

30-е — 50-е годы XIX века в истории белорусской культуры выделяются в качестве особого этапа ее развития. Подавление восстания 1831 года резко изменило правительственный курс в регионе. Правительство сделало ставку на направленную русификацию лишь недавно „отошедших от Польши губерний", стремясь уничтожить все, что могло бы напомнить о Белоруссии и Литве, как особых национальных районах со своими историческими, культурно-бытовыми и языковыми особенностями. Ощутимая попытка укрепления позиций самодержавия и казенного православия, русского чиновничества и дворянства — вот главная стратегическая установка царизма, которой он руководствовался в своем круто изменившемся политическом курсе на территории западных губерний Российской империи[1].

Одним из очевидных свидетельств репрессивного курса царизма в эти годы стала политика в области культуры, которую проводила николаевская администрация на территории Белоруссии и Литвы (смена местного законодательства, ликвидация униатской церкви, открытие русских школ и запрет преподавать на польском

[1] В. К. Шчарбакоў, *Класавая барацьба і гістарычная навука на Беларусі*, Мінск 1934, с. 20-21.

языке, политика русификации служилой интеллигенции и др.). Первоочередной акцией самодержавия на этом пути стал разгром и закрытие Виленского университета — рассадника „духа вольнодумства, безверия и разврата”[2].

В одном из своих ранних политических проектов начала 30-х годов М. Н. Муравьев, начинавший тогда свою карьеру Вешателя в Белоруссии на постах Витебского, Могилевского, Гродненского гражданского губернатора[3], категорично предлагал правительству „решительно уничтожить гнездилище Литовского вольнодумства расскасированием Виленского университета по разным училищам во внутрь империи, преобразовав постепенно всю учебную часть на основании Российских учебных заведений, отняв у духовенства права заниматься образованием юношества[4]”.

Однако наиболее дальновидные представители правительственной администрации как в Петербурге, так и на местах понимали, что одними репрессиями общественно-политический климат в крае изменить невозможно. Нужна была и конструктивная программа действий, позволявшая хотя бы в какой-то мере нейтрализовать „польское” влияние среди образованного общества Белоруссии. Без реальной, конкретной информации об историческом прошлом неблагонадежных губерний трудно было разобраться в современном их состоянии. Отсюда в 30-60-е гг. вытекала деятельность правительственных учреждений края по сбору и концентрации архивных материалов — документальных свидетельств его исторического прошлого. Потребности правительственной пропаганды заставляли предпринимать в эти годы и первые попытки публикации исторических документов с целью приведения исторических доказательств о „исконно русском и православном” характере населения края и законности его вхождения в состав империи. Для решения первой и второй из основных задач нужны были специальные учреждения и кадры, если не специализировавшихся по истории, то хотя бы знакомых с нею чиновников.

Что знали правительственная Россия и русский ученый мир о Белоруссии к 30-м гг. XIX в.? Как они представляли белорусское прошлое и его сопряженность с историей России? Исследование этих вопросов показывает, что не так уж и мало, но весьма, избирательно и очень неполно. Объясняется это тем, что „затребован-

[2] *Две записки (графа М. Н. Муравьёва о Северо-Западном крае)*, „Русский архив” 1902, № 8, с. 592.

[3] Д. А. Кропотов, *Жизнь графа М. Н. Муравьёва в связи с событиями его времени*, Санкт-Петербург 1874, с. 274-293.

[4] *Две записки...*, с. 563-599.

ная" информация о Белоруссии попадала в кабинеты российских правительственных и ученых ведомств, как правило, в теснейшей связи с политической актуальности в таких знаниях.

Начало научным публикациям источников по истории Белоруссии положил Г. Ф. Миллер. Осуществляя выдвинутую в 1732 году программу изучения и издания источников по истории России, Миллер стал выпускать журнал „Собрание русской истории" (1732-1764). В шести номерах журнала за 1732 г. в переводе на немецкий язык Миллер опубликовал часть Радзивилловской (Кенигсбергской) летописи за 860-1175 гг. Наибольший интерес вызывали события недавнего прошлого, особенно конфликт между верующими греко-российского исповедания, католиками и униатами. Об этом свидетельствуют переводы речей епископа белорусского Г. Конисского, произнесенных перед польским королем Станиславом Августом и Екатериной II в 1760-х годах, опубликованные в „Старине и новизне" (1773 г.), и письмо Л. Сапеги архиепископу Полоцкому И. Кунцевичу (1622), напечатанное в „Российском магазине" (1793 г.). Эти и другие публикации исторических документов 1770-х — 1790-х гг. должны были не только рассказать об отношениях России и Речи Посполитой в далеком и недавнем прошлом, но и подкрепить историческими документальными обоснованиями политику Екатерины II относительно разделов территории Западного края[5].

Абсолютистское правительство Екатерины II, стремясь направить освоение просветительской идеологии русской общественностью и сохранить „пристойный вид" в глазах европейского общественного мнения, важную роль отводило истории. Поэтому с конца 1760-х годов история была объявлена „государственным делом" и ее разработка была поставлена под непосредственный контроль правительства. Екатерина II и её окружение стремилось использовать всех крупных историков 60-х — 70-х гг. XVIII в. в России в своих интересах. Хорошо известны свидетельства сотрудничества Екатерины II с А. Л. Шлёцером, Г. Миллером, Ф. А. Эминым, М. М. Щербатовым, И. Н. Болтиным, Н. Н. Бантыш-Каменским и др. Некоторым из них она делала заказы написать необходимые ей исторические сочинения (М. М. Щербатов, Ф. А. Эмин), других сажала за подготовку исторических документальных „припасов". И, наконец, сама Екатерина II взялась за труд историка. Сначала появился „Антидот (Противоядие)" (1770 г.) — историко-публицистическое произведение, направленное против книги

[5] В. Ю. Афиани, *Начало журнальной археографии в России в XVIII в.*, „Археографический ежегодник" за 1987 год, Москва 1988, с. 25-34.

французского путешественника Шаппа де Отроша, затем — „Записки касательно российской истории"[6]. „Записки" составлялись как учебное пособие для великих князей по истории России и должны были стать своеобразным ответом на сочинения зарубежных авторов по русской истории. Полностью труд Екатерины II был опубликован в 1787-1794 гг. и состоял из семи частей. Наиболее полно и с подробными примечаниями он был опубликован в 1901-1907 гг. в 12 томах „Сочинений императрицы Екатерины II" под редакцией А. Н. Пыпина. Параллельно публикации в России „Записки" издавались на немецком языке в 1784-1788 гг. Эти факты говорят о том, что труд Екатерины II по русской истории распространялся правительственными кругами и был известен довольно широкому кругу читателей. Среди „бригады" историков, обеспечивающих информационную поддержку коронованному историографу особой активностью отличались профессора Московского университета А. А. Барсов, Х. А. Чеботарев. Ими готовились пространные выписки из источников и трудов наиболее авторитетных российских историков XVIII века В. Н. Татищева и А. Л. Шлёцера. По непосредственному заказу „августейшей" императрицы[7] А. П. Шувалров, возглавлявший созданное в 1763 г. Екатериной II „Общество по собиранию сведений о древней России", составлял для „Записок" хронологические таблицы и записи об истории древних славян[8]. До нашего времени дошли и частично опубликованы „выписки, касающиеся Литвы и Польши". Переведенные с польского языка секретарем белорусского генерал-губернатора Ю. Деконским „Разные происшествия, случившиеся в Королевстве Польском и в Великом княжестве Литовском, выбранные из летописцев" М. Панцирного, И. Черновского и Г. Аверки, группировали информацию по четырем вопросам наиболее интересовавших Екатерину II („О Литве и Польше от 1386 до 1674 гг.", „О соединении Литвы с Польшею", „О Ливонии", „О поселении славян по южным берегам Балтийского моря")[9]. История территориально-политических изменений ВкЛ и Москвы в XIII-XVII вв. оценивается августейшим редактором как „захваты и отторжения у России ее земель литовцами и возвращение" со времени правления Ивана III „своего законного наследия русскими"[10]. Предварительная историческая

[6] В. С. Иконников, *Императрица Екатерина II как историк*, Киев 1911, с. 212.

[7] Л. М. Гаврилова, *Источники „Записок касательно российской истории" Екатерины II*, ВИД XX, Ленинград 1989, с. 166-174.

[8] Там же.

[9] Архив Санкт-Петербургского отделения института истории, ф. 203 (Екатерина II, 1768-1794), д. 59.

[10] Там же, лл. 11-14.

„проработка” белорусской проблемы императрицей нашла свое естественное завершение в проекте „Манифеста по случаю присоединения к России губернии Изяславской, Брацлавской, Минской” (1793). Здесь Екатерина рассматривает II раздел Речи Посполитой как закономерный акт против врагов России, позволивший „возвратить ей древнее ее достояние, большею части единоверного с нами население, от предков наших до времени внутренних мятежей и внешних нашествий неправедно отторгнутое, (...) без выстрела присоединить”[11].

Тесная связь трактовки истории ВкЛ и Белоруссии с меняющейся политической конъюнктурой, заданная в правлении Екатерины II продолжалась и в первой трети XIX века. В Архиве Коллегии Иностранных дел России, а затем и МВДа сохранились немало до сих пор неопубликованных рукописей (сочинений, докладных записок, проектов и др.) показывающих насколько серьезно руководство внешнеполитического ведомства империи интересовалось вопросами специфики конфессиональных отношений (иезуиты, уния, православие) в Белоруссии, информацией о возможности использовать „литовскую” карту в борьбе с наполеоновской Францией за Польшу. Так, „Историческое начертание Великого княжества Литовского” графа Е. Тычинского (1811 г.), попавшее в Архив МИДа в составе архива М. К. Огинского после смерти последнего, проводит идею „особенности”, „славности” собственно „литовской государственности и истории”[12].

Знакомство с этим любопытным документом показывает не только „кухню” подготовки знаменитого проекта М. Огинского о восстановлении ВкЛ, поданного Александру I в 1811 накануне войны 1812 года. Из него видно то, что могло заинтересовать руководство российского МИДа. Основная мысль гр. Е. Тычинского достаточно красноречиво раскрывает этот „интерес”. „Если устроить Литву, бывшую долгое время в союзе с Польшею, но всегда хранившую отдельность и независимость своей нации, на выгодных против герцогства Варшавского правилах, то сие невольно прекратит горячность и порыв обольщаемых (белорусско-литовской шляхты — Д. К.) и обольщенных пустыми надеждами, но еще привлечет весьма многих из заграницы на сторону законного правительства”[13]. Но ни тогда — в 1811г., ни позже — в последнее десятилетие своего царствования Александр I этот шанс „переори-

[11] Российский государственный архив древних актов (дальше: РГАДА), ф. 10, д. 120, лл. 3 — 3 об.

[12] РГАДА, ф. 12 (Дела о Польши и Литве, 1510-1854), д. 256, лл. 8-17.

[13] Там же, д. 258, л. 22 об.

ентации" шляхетской интеллигенции Белоруссии и Литвы со стороны Польши в сторону России не использовал. Более того заигрывание „лукавого щеголя" с польским обществом позволило в I четверти XIX века ведущим научным центрам Варшавы и белорусско-литовских губерний вести почти беспрепятственную пропаганду возрождения польской государственности и польской культуры. В Варшаве эту миссию выполняло „Варшавское общество друзей наук", в Вильно — Типографическое общество. Первое из них под председательством Альбертранди (до 1808 г.), С. Сташица (с 1808 — по 1825) и Ю. У. Немцевича (с 1835) было по оценке одного наблюдательного современника из III Отделения, „главным инициатором и рассадником идеи польского патриотизма" через историю, фольклор и право. А в „разжигании патриотизма Общество почитало Историю сильнейшею всему пружиною"[14]. С этой целью цвет польской исторической науки (И. Лелевель, С. Б. Линде, кн. А. Черторыйский, И. Красинский, Ю. У. Немцевич и др.) продолжал в 1815-1830-е годы писать „отечественную (польскую — Д. К.) историю или собирать для оной запасы большею частью руками своих членов"[15]. Справедливости ради надо отметить, что это „Общество" сумело установить контакты и с многими деятелями российской культуры (В. Г. Анастасевич, Г. Р. Державин, В. А. Жуковский, П. И. Кеппен, кн. П. А. Вяземский) и учеными „литвинами" (И. Данилович, И. Хрептович, М. Почобут, З. Доленга-Ходаковский). В пропаганде идей польского Просвещения и сохранения исторической памяти о Речи Посполитой, учитывая, что членами этого общества были представители наиболее знатных фамилий полонизированной белорусско-литовской аристократии (гр. М. Огинский — председатель; гр. А. Хрептович, гр. И. Ромер, гр. Ф. Плятер, гр. Н. Олизар, кн. С. Пузыня, кн. А. Чарторыйский) и научной элиты „Литвы" (М. Дмоховский, И. Сенковский, М. Белинский, Ф. Малевский, И. Ходзько, И. Завадский, А. Марцинкевич и др.) возможности для реализации своих целей у общества были весьма значительными[16].

Такой недальновидный либерализм Александра I по отношению к Польше вызвал в 1819 году появление знаменитого письма Н. М. Карамзина, где известный российский историк выступил рез-

[14] Российский государственный военно-исторический архив (дальше: РГВИА), ф. 410 (Материалы о российской империи, 1488-1912), оп. 1, д. 164, л. 10, 54 об.

[15] Там же, л. 54 об.

[16] Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (дальше: ОР РГБ), ф. 255 (П. А. и Н. П. Румянцевы, XVII-XIX вв.), кн. 15, д. 17.

ко против планов царя восстановить независимость польского государства в „прежних его пределах". Приводя свои аргументы Карамзин, в частности, писал: „Можете ли Вы с мирною совестью отнять у нас Белоруссию, Литву, Волынь, Подолию, утвержденных собственностью России еще до вашего царствования. (...) Да разделы Польши при Екатерине II, захват „по праву меча", но дело это совершено и для Вас уже свято: для Вас Польша есть законное русское достояние. Старых крепостей нет в политике, иначе мы должны были бы восстановить и царство Казанское и Царство Астраханское и Царство Сибирское и великое княжество Рязанское, Тверское и Новгородскую Республику? К тому же и по старым крепостям, Белоруссия, Волынь, Подолия вместе с Голициею, были некогда коренным достоянием России (подчеркнуто нами — Д. К.). Если Вы отдадите их, то у Вас потребуют и Киева и Чернигова, и Смоленска, ибо они также долго принадлежали враждебной Литве. Или всё, или ничего. Доселе нашим государственным правилом было ни пяди ни врагу, ни другу!" Иначе для России, по Карамзину, гибель, раздробленность: „Восстановление Польши будет падением России. Литва, Волынь, Подолия желают Королевства Польского, но мы желаем единой империи Российской"[17].

Только события 1830-1831 гг. ясно открыли многим сановным петербургским бюрократам значимость предвидений Карамзина и то, что западные губернии „присоединенные к России, или общее сказать, возвращенные ею только поземельно, но не последовало ещё нравственного соединения их жителей с отчизною". Тогда, же и возникло желание у верноподданного сановного чиновничества открыть средства (подчеркнуто нами — Д. К.), дабы последовало то соединение[18]. А пока... пока в эпоху правления Александра I российская сторона в лице своих ученых гуманитариев, путешественников и литераторов начинает только присматриваться к „литовской старине", особенностям языка, быта и истории „губерний от Польши отошедших". Дороги в новое смелее всего прокладывала журналистика. Изучение старопечатных изданий первых восточнославянских (белорусских и украинских) типографий было начато археографом К. Л. Калайдовичем в журнальных публикациях „Вестника Европы", „Сына Отечества" и „Северного Архива" начала XIX века. Переиздавались и раздавались ранее не переведенные речи Г. Конисского в „Вестнике Европы" (1804), „Друге просвещения" (1804), „Московском телеграфе" (1827). Постепенно изучение истории Белоруссии и Литвы начало приобретать боль-

[17] РГАДА, ф. 12 (Дела о Польши и Литве, 1510-1854), д. 270, лл. 16 — 18 об.

[18] ОР РГБ, ф. 16 (Я. П. Барсков, сер. XVIII в. — 1935), к. 29, д. 4, № VI.

шее научное звучание. Рубежом в этом стало начало 1820-х гг., когда в России появляются новые журналы, в том числе „преимущественно-исторические", отводившие значительную часть своего объема публикации материалов по истории. На страницах российских периодических изданий все чаще стали появляться рецензии на книги и публикации источников выпущенных историками Белоруссии и Литвы (работы И. Лелевеля, З. Доленги-Ходаковского, И. Даниловича, Т. Нарбута, Т. Чацкого, И. Онацевича, М. Бобровского).

В „Северном архиве" (1822-1828), „Соревнователе просвещения" (1823), „Вестнике Европы", „Отечественных записках" (1820-1822), „Сыне Отечества" (1825), „Московском телеграфе" (1831) описывались события, происходившие на территории Белоруссии не только в XVI-XVII вв., но и в недалеком 1812 году, публиковались мемуары очевидцев и записки путешественников. Российская периодическая печать I трети XIX века отражала динамику исторических исследований, связанных с историей ВкЛ и Белоруссии и изменения в общественно-политическом звучании этих публикаций[19]. Большая заслуга в знакомстве русского ученого мира с историей ВкЛ и Белоруссии с виленской университетской средой принадлежала В. Г. Анастасевичу (1776-1845). Сын небогатого украинского помещика, получивший образование в Киево-Могилянской духовной академии, он прошел нелегкий жизненный путь от домашнего учителя до секретаря графа Н. П. Румянцева (с 1817 г.). Служебная карьера его в Военной коллегии (с 1802), в канцелярии попечителя Виленского учебного округа кн. А. Чарторыйского (1803-1817) и в качестве помощника начальника Отдела польского и малороссийского права Комиссии составления законов (1809-1816) не только способствовала обогащению жизненного опыта, но и во многом определила направленность научных интересов в сторону изучения истории законодательства ВкЛ. Активно сотрудничая с петербургскими („Северный Вестник", „Журнал российской словесности") и виленскими журналами, он перевел с польского языка политэкономические труды В. и И. Стройновских, сам издавал журнал „Улей", где осуществил научное издание Статута ВкЛ 1588 года и работы Ф. К. Богуша, способствовал знакомству русского образованного общества с творчеством А. Мицкевича[20].

[19] В. Ю. Афиани, *Журнальная археография и историческая наука первой трети XIX века*, [в:] *Вопросы источниковедения и историографии досоветского общества*, Москва 1979, с. 127-139.

[20] Отдел рукописей Научной библиотеки Вильнюсского государственного университета (дальше: ОР НБ ВГУ), ф. 11 (О. Ковалевский, 1823-1872), д. 21; В. Ю. Афиани, *Журнальная археография...*, с. 127-139.

Итогом знакомства правительственной и ученой России с Белоруссией и ее прошлым к 30-м гг. XIXвека явилось осознание необходимости решить две проблемы: 1) собрать максимально полную информацию о Белоруссии; 2) начать контрпропагандистскую работу по переориентации общественного сознания населения белорусско-литовских губерний в сторону России. Для решения и первой и второй из них требовалось создать специальные организационные структуры. И такими учреждениями в Белоруссии и Вильно стали созданные в середине 30-х годов XIX века губернские статистические комитеты, целью которых являлся сбор информации о прошлом и настоящем хозяйства, населения и историко-бытовых особенностях западных губерний. Сотрудники этих учреждений главным образом определили программы издаваемых с 1838 года при губернских правлениях „Губернских ведомостей", а с конца 40-х годов XIX века — „Памятных книжек губернии". В неофициальных их частях нередко публиковались историко-краеведческие очерки, заметки, исторические документы. При всей своей официальности правительственной направленности эти губернские периодические издания вплоть до начала 80-х годов XIX в. имели все же определенное значение для пробуждения интереса в среде местной интеллигенции к истории Белоруссии, истории белорусского народа[21].

Нельзя не упомянуть и о трудах губернских статистических комитетов, учрежденных в губерниях с 1834 годя. Хотя эти комитеты не ставили перед собой специальных целей — проведения исторических и археографических исследований в отдельных частях империи, но тем не менее некоторые из них значительно расширили свою программу и внесли в историческую науку немалый вклад в деле регионального изучения страны. Они издавали „Материалы", „Записки", „Памятные книжки губернии", „Сборники", „Труды", в которых кроме историко-статистических очерков, описаний городов и населенных пунктов нередко помещались архивные материалы, этнографические статьи и информации о памятниках местной старины[22].

Правда, деятельность ряда сотрудников этих губернских статистических комитетов — уроженцев белорусских губерний, далеко не всегда представлялась сановным сатрапам вполне лояльной к духу и форме проводимого в крае правительственного курса. В таких случаях выявление и обработка необходимой исторической информации поручалась не всегда компетентным, но зато вполне на-

[21] С. М. Самбук, *Общественно-политическая мысль Белоруссии во второй половине XIX века*, Минск 1976, с. 9, 18.

[22] В. С. Иконников, *Опыт русской историографии*, Киев 1908, т. I, кн. I, с. 277.

дежным офицерам генерального штаба, корпуса жандармов или чиновников центрального аппарата Министерства внутренних дел.

Наглядным свидетельством оживления интереса правительственных кругов империи к белорусской исторической проблематике в 30-е — 40-е годы XIX века становятся не только неоднократные служебные запросы руководителей таких ведомств как Синод, Министерство внутренних дел или шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа, но и участившиеся публикации статей о Белоруссии историко-статистического характера в изданиях центральных правительственных ведомств („Журнал МВД", „Журнал Министерства народного просвещения", „Журнал Министерства государственных имуществ" и др.)[23].

Виленский, Гродненский, Витебский, Минский и Могилевский статкомитеты, начавшие свою практическую деятельность в 1835-1836 гг., работали с разной степенью эффективности. Но все же польза их для развития исторической науки в крае была несомненной. По существу, являясь единственными научно-информационными центрами в губерниях, они сыграли роль исполнительного „мотора" в реализации идей и проектов, как петербургского так и местного начальства, направленных на комплексное экономико-географическое и историко-статистическое изучение Белоруссии. На их долю доставалось и исполнение многочисленных исследовательских запросов Русского географического общества, ОИДР, Русского исторического общества, Археографической комиссии. Генерального Штаба, ЦСК МВД[24]. С конца 1848 года при виленском генерал-губернаторе была учреждена особая штатная должность чиновника особых поручений по сбору статистических и исторических сведений[25].

Как правило, сотрудники губернских оргкомитетов относились к исполнению своих обязанностей добросовестно и с инициати-

[23] Центральный государственный исторический архив Литовской Республики (дальше: ЦГИА ЛР), ф. 388 (Виленский губернский статистический комитет), оп. 1, д. 8, 11; А. Н. Пыпин, *История русской этнографии*, Санкт-Петербург 1892, с. 71-72.

[24] Центральный государственный исторический архив Республики Беларусь (Гродно), ф. 14 (Гродненский губернский статистический комитет, 1835-1915); Национальный архив Республики Беларусь (дальше: НАРБ), ф. 21 (Минский губернский статистический комитет, 1835-1916); НАРБ, ф. 2187 (Могилёвский губернский статистический комитет, 1839, 1854, 1864-1917); НАРБ, ф. 277 (Витебская учёная архивная комиссия, 1905-1914); Российский государственный исторический архив (дальше: РГИА), ф. 1290 (Центральный Статистический комитет МВД, 1811-1918), дд. 41, 53-55; ОР РНБ, ф. 689 (В. Ф. Ратч, 1789-1877); ЦГИА ЛР, ф. 338 (Виленский губернский статистический комитет, 1795-1916), дд. 8, 11, 36.

[25] РГИА, ф. 1290 (Центральный Статистический комитет МВД, 1811-1918), д. 157.

вой. В результате уже в 30-е — 60-е гг. XIX века появились „Исторические обозрения" и „Исторические описания" Витебской, Виленской, Гродненской, Могилёвской губерний, Белостокской области, сконцентрировавшие ценную информацию о прошлом и настоящем положении белорусско-литовских губерний[26], статистические карты и демографические таблицы по уездам и губерниям Белоруссии и Литвы[27]. Активное участие в их работе местных историков-краеведов (А. Киркора, Т. Нарбута, А. Марциновского, Л. Круповича и др.) иногда приводила и к незапланированным российской бюрократией результатам. Таких „исполнителей" как членов Виленского статкомитета, издававших в 1850-х сборник „Черты из истории Литовского народа", где содержались антикрепостнические и антирусские мотивы, тут же жестоко наказывали[28].

Заметно большее внимание к истории „Западной Руси" стала проявлять и русская дворянская историография. Именно по заказу Синода взялся за составление истории украинской и белорусской церковной иерархии И. Григорович. Продолжатель археографического „дела" Н. П. Румянцева, П. М. Строев, выдвигая грандиозную программу археографического обследования хранилищ империи, одну из 3-х намечаемых археографических экспедиций (Западную) намечал направить в Белоруссию и Украину[29]. С возникновением Петербургской Археографической комиссии (1834) при содействии правительства было обращено особое внимание на публикацию материалов, имеющих отношение к истории Белоруссии. Пятитомная публикация „Актов Западной России", подготовленная при активном участии И. Григоровича и четырнадцать томов „Актов, относящихся к истории Южной и Западной России" (АЮЗР), как и появление специальных разделов по истории „Западной Руси" в работах придворного историографа Н. Г. Устрялова закладывали документальную и историографическую основу великодержавной и монархической версии истории Белоруссии, определяя ее развитие на долгие годы вперед[30].

[26] РГИА, ф. 1290, дд. 9, 26, 56, 80.

[27] Там же, дд. 70, 71, 77, 85, 755, 760.

[28] Там же, д. 201.

[29] Н. Барсуков, *Жизнь и труды П. М. Строева*, Санкт-Петербург 1878, с. 325-342; В. И. Пичета, *Введение в русскую историю (Источники и историография)*, Москва 1922, с. 19.

[30] Н. Г. Устрялов, *Русская история. Издание пятое исправленное и дополненное с историческим обозрением царствования государя императора Николая I*, ч. 1-2, Санкт-Петербург 1855; В. И. Пичета, *Введение в русскую историю...*, с. 24-25.

В 1850-е годы ЦСК МВД организует комплексное обследование края силами полусотни любителей отечественной истории в официальном ее варианте (офицеров генштаба, священнослужителей, действительных статских советников и даже генералов). Один из организаторов этого „обследования" генерал П. Н. Батюшков впоследствии, характеризуя мотивы правительственного интереса к краю, писал в предисловии „организованной" им книги „Белоруссия и Литва": „В конце 50-х годов ни в одном центральном учреждении империи не имелось систематических известий по статистике и этнографии Западных губерний России. Русская историческая литература и периодическая печать того времени верили на слово источникам польского происхождения, временами недостоверным, часто вымышленным и всегда тенденциозным. Искажая бытовые данные и тем отрицая самобытность древних элементов Западной России, польская печать, а за ней русская, в известной ее части, не признавали бесспорных народных прав России на западные окраины. Этот взгляд был до того распространенным и усвоенным у нас, что даже многие находившиеся на службе по различным ведомствам особы бессознательно подчинялись влиянию польских идей, действуя в области порученных им обязанностей во вред государственным интересам"[31].

Научное „качество" такого рода исследований, несмотря на довольно солидные объемы и многообразие круга источников, положенных в их основе, нередко оставляло желать лучшего. Примером такого рода трудов являлась изданная в 1861 году историко-статистическая работа чиновника центрального статистического комитета МВД М. Лебедкина[32], где автор смело смешивая современную ему статистическую информацию с летописными известиями о древних обитателях Белоруссии и Правобережной Украины, не только находит на этих территориях в середине XIX века полян, древлян, кривичей, волынян и исчезнувших в XIII веке ятвягов, но даже „исчисляет" их количество по уездам.

Правда, с 50-х годов XIX века под опекой правительственных учреждений стали появляться более достоверные и систематические сводные работы, дававшие самые общие обзоры политической и церковной истории Белоруссии в эпоху феодализма. Такими исследованиями были: книга священника И. Боричевского „Право-

[31] П. Н. Батюшков, *Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края*, Санкт-Петербург 1890, с. 15.

[32] М. О. Лебедкин, *О племенном составе народонаселения Западного края Российской империи*, [в:] Зап. РГО, 1861, кн. 3, отд. 2, с. 130-160.

славие и русская народность в Литве”[33] (первоначально публиковавшаяся в „Христианских чтениях”) и работа титулярного советника О. В. Турчиновича. Книга Турчиновича была знаменательной и заметной вехой на пути становления белорусской историографии. Она трактовала историю Белоруссии не как часть истории России, Великого княжества Литовского или Речи Посполитой (трактовки типичной для историографической традиции XVIII — I пол. XIX вв., свойственной даже таким „литвинам-патриотам”, как Т .Нарбут, И. Данилович, И. Онацевич, И. Ярошевич и др.), а как историю страны и народа, имеющих свою историческую специфичность, „особенность” своего исторического существования. Факт сам по себе знаменательный, как показатель появления в этническом сознании белорусского образованного общества новой ступени в его развитии — концептуально заявленного исторического национального самосознания.

В 30-е — 50-е годы XIX века активно интересовались настоящим и прошлым недавно вошедшего в состав империи края и представители военного ведомства России. Специалисты Генерального Штаба российской армии с 1837 по 1854 годы производили неоднократные статистические „разыскания”, трижды издававшиеся весьма ограниченным тиражом и предназначенные исключительно „для служебного пользования”. Для широкой читающей „публики” эти издания, разумеется, не были доступны. Для ведения масштабной исследовательской работы Военное министерство России и ее Генеральный Штаб располагали немалыми кадровыми, информационными и материальными возможностями[34]. Там интенсивно велась работа по комплектованию архива Военно-топографического бюро, собирались документы для „составления” историй войсковых частей и военных учреждений, готовились военно-исторические и военно-теоретические работы по истории русско-польских войн XVIII века, войны 1812 и 1830-1831 гг., восстания Т. Костюшко. Регулярно велись сбор и изучение военно-исторических, топографических и статистических сведений о западных губерниях России (как потенциальном театре боевых действий), военных приграничных крепостях, осуществлялись военно-ученые экспедиции с целью комплексного изучения интересуемого региона. В результате этой многогранной работы в Военно-Ученом Архиве министерства и архивах отделений Генерального Штаба были собранны богатейшие коллекции документов и рукописей, в ко-

[33] И. Боричевский, *Православная и русская народность в Литве*, Санкт-Петербург 1851, с. 129.

[34] Л. Г. Бескровный, *Очерки военной историографии России*, Москва 1962, с. 317.

торых затрагивались практически все стороны жизни России (XVIII — XIX веков)[35].

После позорно закончившейся для царизма Крымской войны Военное министерство решило собрать через офицеров Генерального Штаба возможно более полные и обстоятельные сведения о западных губерниях Российской империи. В 1857-1859 годах департамент Генерального Штаба издал по этим вопросам ряд инструкций. С 1859 года специально назначенные для выполнения этой задачи офицеры, многие из которых были уроженцами западных районов России, активно приступили к работе[36]. К сотрудничеству с Генеральным Штабом активно подключился ЦСК МВД, который в апрельском 1859 г. циркуляре предписал гражданским губернаторам белорусско-литовских губерний оказывать офицерам-генштабистам всяческую помощь в сборе информации через городскую и уездную полицию. Циркуляр министра внутренних дел С. С. Ланского предписывал тесное взаимодействие с представителями Генерального Штаба сотрудников губернских статистических комитетов в плане взаимного обмена информацией. Активно помогали установлению плодотворного сотрудничества с гражданскими и научными учреждениями империи (РГО, РИО, РАО) военный министр Д. А. Милютин, генерал-квартирмейстер, барон Ливен, Ф. П. Литке, кн. А. М. Голицин, и др.)[37]. Такая всесторонняя и влиятельная поддержка обеспечила быстрый ход работ. И уже с 1861 года стали выходить первые издания этих историко-статистических описаний западных губерний, составленные офицерами Генерального Штаба: по Виленской губернии А. Коревы; Гродненской — П. О. Бобровского; Минской — И. Зелинского[38], собранные богатые материалы были неодинаковыми по своей исторической и источниковедческой ценности. Исторические очерки соста-

[35] РГВИА, ф. 410 (Материалы о Российской империи, 1488-1912), ф. 414 (Статистические, экономические, этнографические и военно-топографические сведения о России, 1735-1914), ф. 467 (Военные действия в Польше в 1792-1796 гг., 1793-1796), ф. 474 (Отечественная война 1812 г. и компания 1813-1814 гг., 1810-1916), ф. 478 (Польское восстание 1831 г., 1830-1832).

[36] РГВИА, ф. 38 (Департамент Генерального Штаба, 1818-1868), оп. 9, дд. 34, 42, 46, 47, 61.

[37] Там же, дд. 6, 7, 15, 18.

[38] П. О. Бобровский, *Гродненская губерния (Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба)*, ч. 1-2, Санкт-Петербург 1863, сс. 886 + 1074; И. Зелинский, *Минская губерния (Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба)*, ч. 1-2, Санкт-Петербург 1864, сс 672 + 701; А. Корева, *Виленская губерния (Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба)*, Санкт-Петербург 1861, с. 804.

вителей этих описаний опирались на самый разнообразный, далеко не всегда проверяемый круг источников (не только официальные документы, сведения губернских статистических комитетов, но сообщения знатоков и жителей края, местные легенды и др.). К тому же „историографическая" версия прошлого Белоруссии авторов „материалов" опиралась на политические установки правительства. Однако работы эти содержали в себе и немало ценного, свежего источникового материала, добытого благодаря родственным и дружеским связям офицеров, уроженцев белорусских губерний и Виленщины с местным дворянством из родовых частных архивов и коллекций рукописей.

Подавление восстания 1831 года дало правительственным кругам России основания для конфискационных мер относительно документальных ценностей Белоруссии, причем не только из богатейших собраний, скомпрометировавших себя участием в „событиях" магнатов и шляхты края, но и документальных раритетов из архивов и библиотек костелов, католических и униатских монастырей, частных коллекций. В 1832 году по императорскому указу были вывезены вглубь России (главным образом в Петербург) ценности более чем из 200 монастырей[39], многих шляхетских имений (архивы, книжные собрания, произведения искусства). Так были забраны самые ценные книги и рукописи Полоцкой иезуитской академии, родовые архивы и библиотеки Радзивиллов, Огинских, Сапег, Плялттеров, В. Ржевусского, К. Немцевича, К. Воловича и других[40]. Такая же судьба постигла в 30-е гг. XIX века библиотеку и рукописные собрания закрытого в 1832 году Виленского университета (рукописи Альбертранди, М. Догеля, фельдмаршала Шереметьева и др.), архивы Виленской Академии (и Виленского университета) и коллегий Игнатовской, Снипишской, Гродненской семинарий.

Для научной обработки и публикации исторических источников еще в 1855 году в Вильно была учреждена Археологическая комис-

[39] *Wykaz skasowanych w XIX w. katolickich klasztorów na Rusi*, Kraków 1918, s. 194.

[40] *Императорская Публичная библиотека за сто лет*, Санкт-Петербург 1914, с. 503; А. П. Сапунов, *Архив Полоцкой духовной консистории*, Москва 1898, с. 103; тот же, *Архивы в городах Могилёвской губернии и в Минске*, Москва 1902, с. 14; тот же, *Заметки о коллегии и академии иезуитов в Полоцке*, Витебск 1890, с. 34; тот же, *Исторический очерк 50-летия Витебского губернского статистического комитета (22 сентября 1863 — 22 сентября 1913 гг.)*, Витебск 1913, с. 37; тот же, *Университет в Полоцке*, Витебск 1908, с. 21; F. Radziszewski, *Wiadomość historyczna o znakomitych bibliotekach w Królestwie Polskim, Galicyi, w Ks. Poznańskim i zachodnich guberniach państwa Rosyjskiego*, Kraków 1875, s. 201.

сия под покровительством наследника-цесаревича (будущего царя Александра II). Председателем комиссии стал известный знаток и исследователь местных „древностей" гр. Е. Тышкевич, пожертвовавший для созданного при комиссии музея древностей свою богатейшую историческую коллекцию книг, рукописей и предметов старинного быта. Члены-учредители Археологической комиссии наметили широкую программу изучения исторического прошлого „западного края". В качестве главных целей намечали: составить собрание древних книг, актов, рукописей, монет, статуй, медалей, оружия, картин, относящихся к истории Белоруссии и Литвы, способствовать сохранению памятников древности на их территории; доставлять возможности пользоваться собранными материалами исследователям, интересующимся не только историей края, но и его современным экономическим положением. Широта программы была связана с надеждами учредителей комиссии возродить в будущем на ее основе университетский центр науки и образования Литвы и Белоруссии. Воспользовавшись своим правом требовать исторические акты и рукописи упраздненных католических монастырей, она активно занялась комплектованием своих коллекций. Уже в 1860 году комиссия обладала библиотекой в 15 000 книг, богатой нумизматической коллекцией (4700 экземпляров), отделением бюстов, картинной галереей, собранием более 5000 старинных рукописей, актов и автографов, значительной археологической коллекцией (3412 предметов)[41].

Привлекая к своей деятельности наиболее значительные силы местных историков и любителей старины (Т. Нарбута, А. Киркора, Н. Малиновского, И. Крашевского и др.), комиссия неплохо заявила о себе и на публикаторском поприще. Приступила к 1858 году к изданию „Записок", в этом же году издала на высоком археографическом уровне „Собрание государственных и частных актов, касающихся Литвы и соединенных с нею владений (1389-1710 гг.), а в 1860-1862 гг. опубликовала подготовленный Я. Сидоревичем „Скарбец дипломатув" И. Даниловича. Царская администрация косо смотрела на деятельность комиссии, явно и не без оснований усматривала в ней гнездо „польского и литовского сепаратизма". После выхода в свет „Собрания" М. Круповича, она получила возможность публично выразить свое недовольство деятелями комиссии. В укомплектованном разнообразными по характеру и содержанию документами сборнике по ряду сюжетов произведенная подборка имела ощутимо выраженную полонофильскую направленность. Разумеется, она не могла понравиться чиновным преемни-

[41] В. С. Иконников, *Опыт русской историографии*, Киев 1887, т. 1, с. 309-310.

кам Николая I, который стремясь уничтожить все, что могло бы напоминать о Белоруссии и Литве, как особых национальных районах со своими историческими, культурно-бытовыми и языковыми особенностями, еще указом от 18 июня 1840 года, запрещая употреблять понятия „белорусские" и „литовские" губернии, вводил название „Северо-Западный край"[42]. В те годы попытка взяться за решение какой-либо острой, серьезной проблемы исторического прошлого этих районов без согласия с правительством нередко приводила к запрету, а то и физическому уничтожению самого исследования, как это случилось в 1842 году с первой диссертацией Н. И. Костомарова „О значении унии в истории Западной Руси"[43].

За девяностолетний период, прошедший от времени первого раздела Речи Посполитой до реформы 1861 года и восстания 1863 года, правительственная Россия успела неплохо узнать Белоруссию. Активный сбор информации, который велся в эти годы создал представительный „банк данных" пригодный для принятия эффективных политических решений по „белорусскому вопросу". Были заложены основы той историографической традиции официального, правительственного направления, которая в 60-е гг. XIX века получит название „западно-русизма". Предпринимались и первые попытки контрпропагандистской „игры" в сфере переориентации исторического и политического сознания населения Белоруссии „от Польши к России". Большого эффекта к началу 60-х гг. XIX в. она еще не дала, хотя бы потому, что сама официально-охранительная историография Белоруссии имела в значительной мере характер историографии полузакрытой, так сказать „историографии для служебного пользования". Но приобретенный опыт и накопленная огромная информация пригодились как нельзя кстати в условиях нового политического контекста, вызванного событиями 1863-1864 гг.

Streszczenie

W okresie między powstaniem listopadowym i styczniowym w polityce władz carskich obserwuje się wiele działań zmierzających do wymazania z historii wszelkich faktów świadczących o odrębności państwowej Litwy i Białorusi. Najbardziej agresywną politykę prowadzono w zakresie kultury. We wspomnianym okresie doszło także do likwidacji Kościoła unickiego oraz zorganizowania sieci szkolnictwa rosyjskiego. W pracach rosyjskich uczonych po raz pierwszy pojawiły się tezy uzasadniające jedność ziem białoruskich z Rosją. Podziały Rzeczypospolitej powszechnie określano jako powrót ziem ruskich do historycznej jedności, wyzwolenie z polskiej niewoli.

[42] РГИА, ф. 1266 (Комитет западных губерний, 1831-1848), оп. 48, д. II, л. 30.

[43] *Автобиография Н.И.Костомарова (под редакцией Котельникова)*, Москва 1922, с. 47.